

Посвящается Рейчел.

ΛΕΤΟ

2017

Вечеринка «плюс одна»

Я чуть было не съездила за ней. Когда она так и не появилась. Когда не отвечала на звонки. Когда оставила без внимания мою эсэмэску.

Но были выпивка, другие машины, которые заперли мою, и обязательства — мне полагалось приглядывать, как там дела. От меня ждали, что вечер пройдет как по маслу.

И вообще, она подняла бы меня на смех за то, что я вернулась. Закатила бы глаза. Сказала: «Эйвери, одна мать у меня уже есть».

Да, знаю — все это отговорки.

* * *

На высокий берег я прибыла первой.

В этом году для вечеринки выбрали сдающийся в аренду дом в тупике — с тремя спальнями, стоящий в самом конце длинной, обсаженной деревьями улицы, такой узкой, что на ней едва хватало места разехаться двум машинам. Ломаны дали ему название «Голубая мухоловка» за обшитые внахлест бледно-голубыми досками стены и крышу со скатами, как на птичьей кормушке. Хотя мне казалось, что скорее за то, как он отодвинут от дороги за деревья и видится цветным пятном, если приблизиться к нему вплот-

ную сбоку, но издалека его не заметишь, пока не пойдешь.

Место далеко не лучшее, вид из окон тоже — океан слишком далеко, чтобы его увидеть, но достаточно близко, чтобы постоянно его слышать, — зато наиболее удаленное от мини-отеля типа «ночлег и завтрак» дальше по той же улице, вдобавок с патио в окружении густой вечнозеленой растительности, так что при определенном везении никто бы ничего не заметил и не пожаловался.

Так или иначе, все летние дома Ломанов, сдающиеся в аренду, внутри выглядят одинаково. И порой я, показав очередной такой дом потенциальным клиентам, на выходе внезапно терялась: качели на веранде вместо каменных ступеней крыльца, океан вместо гор. В каждом доме — одна и та же плитка на полу, гранит одинакового оттенка, одно и то же сочетание стилей, рустикального с люксовым. Стены повсюду украшены панорамами Литтлпорта: маяк, лес пляшущих белых мачт на пристани, белопенные гребни волн, бьющихся о скалы на обоих берегах бухты. Так называемый затопленный, или «далматинский», берег — вытянутые, как пальцы, участки суши, поднимающиеся из океана; каменистое побережье в попытках отстоять свои позиции, несмотря на прибой; острова, появляющиеся и исчезающие вдалеке в лад приливу.

Да, до меня дошло — зачем они, эти поездки на длинные выходные из больших городов или временные переселения на лето; откуда статус исключительности у местечка, которое кажется таким крошечным и неприятательным. До этого городка, отвоєванного у нетронутой глуши, с горами по одну сторону и океаном по другую, добраться можно было лишь одним способом: по единственной береговой дороге, набравшись терпения.

Он существовал за счет одного только упрямства в чистом виде, оттесняя наседающую с обеих сторон природу.

Вырасти здесь означало жить с ощущением, что закалился и приобрел те же черты характера.

Я выставила привезенные из большого дома остатки спиртного на гранитный кухонный стол-островок, убрала с глаз долой хрупкие интерьерные украшения, включила подсветку бассейна. Затем налила себе выпить и уселась в патио за домом, прислушиваясь к шуму океана. Зябкий осенний ветер зашуршал среди деревьев, я поежилась и плотнее запахнула куртку.

Эта ежегодная вечеринка всегда балансировала на грани — последний бой против смены времен года. Зима, темная и нескончаемая, глубоко укоренилась здесь. Она переходила в наступление, едва только уезжали отдыхающие.

Но сначала предстояло сегодняшнее событие.

Еще одна волна разбилась о берег вдалеке. Я закрыла глаза, отсчитывая секунды. Ожидая.

Мы собирались здесь сегодня вечером, чтобы проводить сезон летнего отдыха, но его уже смыло волнами и без нашего разрешения.

* * *

Луизиана явилась, как раз когда вечеринка набрала разгон. Я не видела, как она вошла — только когда она уже мялась в нерешительности одна среди кухни. И выделялась, рослая и неподвижная в самой гуще суеты, словно вбирая ее в себя. Ее первая вечеринка «плюс одна». Такая непохожая, как мне было известно, на вечеринки, которые она посещала все лето, — оказанный ей радушный прием в мире летнего отдыха в Литтлпорте, штат Мэн.

Я тронула ее за локоть, почему-то до сих пор холодный. Она вздрогнула, обернулась и шумно вздохнула, будто обрадовалась мне.

— Не совсем то, чего я ожидала, — призналась она.

Оделась она слишком тщательно, не по случаю. Завивка, элегантные брюки, шпильки. Будто собиралась на стильный бранч.

Я улыбнулась.

— Сэди с тобой?

И я оглядела комнату в поисках знакомой светлой головки с пробором посередине, с заплетенными на висках и скрепленными на затылке заколкой тонкими косицами — прическа детища новой эры. Привстала на цыпочки, пытаясь различить в шуме ее смех.

Лус покачала головой, темные волны ее волос скользнули по плечам.

— Нет, она, наверное, еще укладывает вещи. Меня подвез Паркер. Сказал, что хочет оставить машину у мини-отеля, чтобы нам потом было легче выбраться, — она указала в сторону мини-отеля «Мыс», перестроенного викторианского особняка с восемью спальнями у самого края высокого берега, здания со множеством башенок и огороженной террасой. Оттуда открывался вид почти на весь Литтлпорт — во всяком случае, на его значимые детали, от пристани до песчаной полосы Брейкер-Бич с ее выдающимися в море утесами, где на самой северной оконечности города жили Ломаны.

— Не стоило ему парковаться там. — Я сразу взялась за телефон. Нечего и надеяться на то, что хозяева мини-отеля не заметят, если все будут оставлять машины у них на стоянке.

Лус пожала плечами. Паркер Ломан делал что ему заблагорассудится и никогда не задумывался о последствиях.

Я поднесла телефон к уху. Гудки едва были слышны сквозь музыку, пришлось прикрыть трубку сложенной ковшиком ладонью.

«Привет, вы позвонили Сэди Ломан...»

Я отключилась, сунула телефон обратно в карман и протянула Лус красный пластиковый стаканчик.

— Держи, — сказала я, хотя вообще-то мне хотелось воскликнуть: «Господи, да расслабься ты наконец», но я и без того уже вышла за рамки моих обычных разговоров с Лусианой Суарес. Она нерешительно взяла стаканчик, а я принялась поворачивать этикетками к себе полупустые бутылки, разыскивая виски, который, как я знала, она предпочитает. Вот это мне в ней по-настоящему нравилось.

Я плеснула ей виски, она нахмурилась и произнесла:

— Спасибо.

— Не за что.

Мы провели вместе целый сезон, а она так и не определилась со своим отношением ко мне — обительнице гостевого дома рядом с загородной резиденцией ее бойфренда. Друг она или враг. Союзник или противник.

Наконец она, похоже, приняла какое-то решение, потому что придвинулась ко мне, словно собираясь поделиться секретом.

— И все же я что-то не везжаю.

Я усмехнулась.

— Вьедешь.

Сомнениями насчет вечеринки «плюс одна» она терзалась с тех пор, как услышала о ней от Паркера и Сэди; ей объяснили, что ради этой вечеринки не уедут вместе с родителями в выходные перед Днем труда, а задержатся еще на неделю после окончания

летнего сезона. Одна ночь, последняя для тех, кто пробыл здесь со Дня поминовения до Дня труда¹ — то есть все недели, составляющие летний сезон, плюс еще одну. Бурный всплеск в жизни тех, кто живет здесь круглый год.

В отличие от вечеринок, на которые Ломаны возили ее все лето, на этой не было ни банкетной службы, ни официанток, ни барменов. Вместо них — пестрая компания оставшихся отдыхающих, которая опустошала комнатные бары, холодильники и кладовки. Никакого сходства. Все не так. Ночь излишеств, затяжное прощание, девять месяцев, чтобы забыть и надеяться, что забудут и все остальные.

Вечеринка «плюс одна» была эксклюзивной и вместе с тем нет. Список приглашенных отсутствовал. Кто знал о ней, тот и пришел. Взрослые, скованные неиллюзорным долгом, к тому времени уже вернулись к привычной жизни. У детей помладше началась учеба, родители уехали вместе с ними. Так что остался промежуточный возраст. Студенты и выпускники, еще не обремененные жизненными обязательствами. И не изнуренные ими.

Сегодняшний вечер уравнил нас, и теперь по виду уже нельзя было определить, кто местный, а кто в гостях. Такими мы и притворялись: в раздетом виде все мы одинаковы.

За последние пару минут Лус взглянула на свои изящные золотые часики дважды, каждый раз поворачивая их туда-сюда на тонком запястье.

— Боже, — пробормотала она, — что он там застрял.

---

¹ С последнего понедельника мая по первый понедельник сентября. — *Здесь и далее примеч. пер.*

* * *

Паркер прибыл последним и без труда высмотрел нас еще с порога. Все обернулись в его сторону, как обычно и бывало, стоило Паркеру Ломану войти в комнату. С таким расчетом он и вел себя, оттачивал в себе надменность, предназначенную для того, чтобы держать окружающих в напряжении.

— Машину заметят, — сказала я, когда он подошел к нам.

Наклонившись, он обнял одной рукой Лус.

— Вечно ты загоняешься, Эйвери.

Я и вправду загонялась, но только потому, что он вообще не задумывался, как воспринимает его другая сторона — местные жители, которым нужны и в то же время неприятны такие люди, как он.

— Где Сэди? — попыталась перекричать музыку я.

— А я думал, ты ее подвезешь, — он пожал плечами, потом посмотрел куда-то вдаль поверх моего плеча. — Меня она заранее предупредила, чтобы я ее не ждал. Наверное, на ее языке это значит «не поеду».

Я покачала головой. Сэди не пропускала тусовки «плюс одна» с тех пор, как мы начали бывать на них вместе, с того самого лета, как нам исполнилось восемнадцать.

Ранее в тот же день она без стука распахнула дверь гостевого дома, позвала меня по имени уже из комнаты, потом еще раз, входя в мою спальню, где я сидела с открытым ноутбуком поверх белого стеганого одеяла, одетая в пижамные шорты и термофутболку с длинными рукавами, скрутив волосы в пучок на макушке.

Она была уже одета для выхода, а я все еще подбивала задачи по своей работе, которая заключалась